

«стукну». Именная форма «кладнику» вполне подходит по значению, а по звукам наиболее близка к заменившему ее ляпсусу «кликну».

Диттографией, т. е. ошибочным повторением слога, легко объясняется чтение 157 «съ дудутокъ»: конъектура «съду токъ» подсказана фиктивностью имени «Дудutki», появлением метафорического «на тоуѣ» в том же стихе и наличием боевой формулы «дуть ток» в устной эпической традиции восточных славян.

Сравнение «темного места» с параллельными пассажами в том же памятнике позволяет исправить ошибочное чтение 47 «не шеломянемъ» на основании 32 «за шоломянемъ». В отрезке 209 «ходы на Святъславля» порча текста несомненна, но сочетание «-ына Святъславля» поддается расшифровке путем сопоставления с заглавными словами «сына Святъславля»: история последующих князей до «сына Святославля» включительно была предусмотрена вещим Бояном, когда он «рекль» или «първое рече», т. е. наперед поведал свою проникновенную припевку. «Слово о полку Игореве» цитирует три трагедии, предсказанные Бояном, — Всеславу (163), Изяславу (146) и Игореву (210). Ссылка в эпилоге «Слова» на последнее из этих пророчеств связывает песнотворца старого времени с Игоревым походом и как бы оправдывает обращение к Бояну в начале повествования. Естественно читать: «Рекъ Боянь и про сына Святославля». Графическая антиципация начала Бояновой речи — 210 «хоти» — ответственна за начальный слог абракадабры «ходына».

Привязанность автора «Слова» к глаголу «лелѣяти» и производным формам (23, 109, 175, 179, 180) оправдывает чтение «полелѣя» вместо невразумительного (64) «повелѣя».

Учет подражательных тирад «Задонщины» позволяет в отдельных случаях устранить порчу текста в «Слове». Пересвета, одного из героев «Задонщины», привели на судное (или суженое) место, лететь его главе на ковылу и лежать «на зелене ковыле» за обиду великого князя; в «Слове» соответственно приведен «на Суд» Борис Вячеславич, ему постлана «на канину зелену» погребальная пелена «за обиду храбра и млада князя», и «с тоя же Каялы» повезли его на похороны. Засим следует и в «Слове», и в «Задонщине» одинаковая картина общего запустения и массового кровопролития. Несомненно испорченным разночтением «Слова» — бессмысленной «канине» и неуместной «Каяле» — противостоит явно правильный, как отметил уже Тихонравов, чтение «Задонщины» — повторный образ «ковылы», художественно мотивированный и к тому находящий себе подтверждение в стихе 176 «Слова». Сравнение формы 14 «ущекотал» в «Слове» и «вощекоталъ» в соответствующем месте «Задонщины» по списку Ундольского ведет к заключению, что это в «Слове» один из примеров диалектального изменения «въ-» > «у-»: прототип «въщекотати» с префиксом «въс-» параллелен форме 17 «въсѣйти».

Нетрудно восстановить две традиционные формулы, искаленные при переписке, — погребальную «нести сани» и боевую «даяти раны»: графическое сходство усугубляет вероятность замены полнозначного текста 99 «сани, и несоша я» невнятицей «саню, и не сошлаю» или привычного оборота «дая раны» невразумительным сочетанием 56 «кая раны». Естественно такие недосмотры писца, как смешение приставок в 51 «отступиша» вм. «оступиша» или принятие слога «во» с недописанным «о» за приставку «вс-» («въс-», согласно орфографии писца) в 31 «въсрожать».

В немногих случаях приходится довольствоваться более или менее правдоподобной догадкой. Вместо невозможного 130 «меча времени» чешские переводчики И. Юнгман и В. Ганка предложили читать «меча бремены», но эта конъектура не находит себе опоры в семантике церковно-